

© 1997 г. М.В. НИКИТИН

ПРЕДЕЛ СЕМИОТИКИ

Современная семиотика (семиология) в значительной своей части оставляет странное впечатление. Если оценивать нынешнее ее наиболее влиятельное направление объективно, освободившись от давления сложившихся в нем и гипнотически внушаемых стереотипов, то обнаруживаешь направление без предмета, науку, живущую с "чужих капиталов". В нынешнем своем виде семиотика этого рода выглядит необязательной и избыточной. Без нее вполне можно обойтись, т.к. она заимствует свой предмет у других наук и ничего не добавляет к их усилиям, кроме того, без необходимости навязывает свою фразеологию. Она пытается свести под шапкой знаковости психологию и психоанализ, психопатологию и теорию сексуальности, теорию восприятия, внушения, удовольствия; феминизм и маскулинизм; теорию личности, общения и личностных интеракций; теорию коммуникации и теорию значения; оккультизм и ясновидение (идеологию, мифологию и религию), лингвистику, литературоведение, теорию искусств (кино, театр, живопись, музыку и пр.) и поэтику, структурализм, релятивизм, формализм, символизм и многое другое на разных уровнях общего и частного.

При этом диапазон сближаемого оказывается настолько широк, а различия внутри его настолько велики, что семиотические обобщения сводятся к бессодержательной категоризации в терминах означаемого – означающего. Участие семиотики этим и ограничивается, а весь содержательный позитивный анализ осуществляется помимо семиотики в рамках концептуально-методологических аппаратов соответствующих наук и дисциплин. Стремясь встать над другими науками, семиотика лишь путается у них под ногами, не добавляя ни новых знаний, ни общей перспективы. Идя этим путем, она вырождается в род квазинаучных занятий, красиво декорированных спекулятивных игр, совершаемых по правилам, но, увы, научно-бессодержательных. История науки полна таких псевдонаучных игр. Они всегда сопровождают ее движение к новым границам и новым обобщениям [Труды 1964–1987; Barthes 1964; Coquet 1973; Derrida 1967; Eco 1980; Elam 1980; Greimas 1970; 1971; Guiraud 1971; Hawkes 1977; Heath 1971; Harvey 1982; Jakobson 1971; Metz 1974; Morris 1971; Riffaterre 1978; Scholes 1981; Sebeok 1969; Serge 1973; Silverman 1983; Wollen 1972, ср. Иванов 1976].

За характерными примерами можно обратиться, например, к "Мифологиям", сборникам очерков Р. Барта [Barthes 1957; Барт 1989]. Барт подвергает беспощадному (и справедливому!) анализу социально-политические мифы, создаваемые средствами массовой информации. Однако семиотическая интерпретация этих мифов ничего не добавляет к анализу: она сомнительна и бессодержательна. Барт анализирует картинку на обложке журнала "Пари-Матч": негр в французской военной форме, подняв глаза, отдает честь французскому национальному флагу. Идея монтажа понятна: создать представление о Франции как державе, которая одинаково дорога всем ее сынам независимо от цвета кожи. Здесь с Бартом можно только согласиться, но сомнительна его семиотическая квалификация средств, создающих это представление. Саму картину он рассматривает как знак первого порядка, в котором означающее – субстанциональная основа изображения (рисунок, цвет, форма как

цельная структура), а означаемое (значение) – концепт: негр-военный преданно смотрит на флаг своей страны – Франции. Но этот знак, говорит Барт, в свою очередь служит означающим структурно более сложного знака второго порядка, значением которого как раз и является представление о Франции как о державе, которую одинаково любят и готовы защищать все ее сыны любого цвета кожи. Внушить такое представление и является коммуникативной целью монтажа.

Все так и есть, но возникают вопросы. Можно ли считать знаками изображения разного рода (как сделанные с натуры, так и смонтированные специалистом)? А вместе с этим знакова ли природа всяких отображений (умственных и вещественных), схем, моделей, копий, дубликатов, воспроизведений, подделок и т.п.? Не соотносятся ли субстанция изображения и образ как форма и содержание? И не следует ли тогда связь означаемого и означающего тоже толковать как связь формы и содержания? Однако форма и содержание, как известно, не вполне автономны друг от друга. Но и как тогда быть с принципом произвольности знака?

Но самым существенным в этом контексте является вопрос: каков механизм осмысления (сигнификации, а шире – семантизации) картинки на уровне "знака второго порядка"? Есть ли в этом механизме что-либо знаковое, т.е. с е м и о т и ч е н ли он по существу, чтобы его можно было исследовать и описывать собственно семиотическими средствами, или же механизм осмысления не содержит ничего специфически знакового, и значение тут сообщается отправителем и извлекается получателем на основе знания связей и зависимостей мира? Если справедливо последнее, то для семиотики тут мало места и в дело должны вступать всякий раз те области знания, к компетенции которых относятся эти связи и зависимости.

Выводы о значении картинки с негром делаются, очевидно, из знания общественно-политической жизни Франции, из знания прессы, ее средств и целей. Картинка как образ вторична по отношению к изображаемому предмету. Сходное значение наблюдатель мог бы извлечь, увидев ту же сцену "в натуре", "живьем". И разница между натурой и картинкой состояла бы в том, что в первом случае ситуация была бы ненамеренной и потому незнаковой, хотя и значимой, а в случае журнальной картинки – намеренной, значимой, хотя и не знаковой.

У семиотики безусловно есть свой собственный предмет, и этот предмет огромен, многопланов и чрезвычайно важен – знаки и знаковая деятельность разных видов, но она сбивается, во-первых, в понимании знака и, во-вторых, в исследовании собственно знаков (семиотика исследует в знаках то, что в них незнаково). Для определения знака существенно помимо прочего то, что он интенционален и у него есть отправитель. Нет коммуникативной интенции – нет и знака, нет отправителя – тоже нет знака. Знак предполагает отправителя с коммуникативной интенцией, которую знак реализует. Однако одного получателя – интерпретатора недостаточно.

В понимании знака семиотика последовала за Ч. Пирсом [Pierce 1931–1958]. Ей следовало бы держаться пути, намеченного Ф. де Соссюром [Saussure 1915]. Пирс обошелся без отправителя знаков, ему достаточно было получателя. Результатом было необоснованное расширение понятия знак, куда попали, помимо подлинных интенциональных знаков, также неинтенциональные псевдознаки без отправителя – индексальные и иконические. Между тем, всякий, кто считает красный закат знаком ветреной погоды, а отражение неба в воде – его знаковым субститутотом, должен спросить себя: кто и с какой целью посылает ему эти знаки?

Итак, знак интенционален и предполагает отправителя еще в большей мере, чем получателя. В его определение непременно должно входить то, что это – конвенциональный транслятор значений от отправителя к получателю. Он – результат специальной конвенции, в том числе спонтанно возникшей (как в случае естественных языков – первичной знаковой системы, обеспечившей обобщающе-абстрагирующий понятийный уровень человеческого сознания). Эта конвенция связывает условной, в принципе произвольной связью означающее (десигнатор) и означаемое (значение, десигнат) с тем, чтобы посредством означающего отправитель

знака мог по своей воле и желанию актуализировать значения в сознании получателя. Связь двух сторон знака произвольна в принципе, но ничего не мешает ей (там, где это возможно и желательно) быть так или иначе мотивированной (например, для удобства запоминания и понимания знака).

Такое понимание знака включает в их число естественные языки и вторичные знаковые системы, но исключает все ситуации, в том числе значимые, где нет отправителя с коммуникативным намерением, актуализирующего в получателе определенное, по его замыслу, информационное состояние посредством специально согласованных между ними средств – знаков. Тем самым знаковая деятельность выводится из цепей, зависимостей, связей отражаемого сознанием мира (из "фреймов" этого мира) и противопоставляются в параллель ему как его знаковое отражение. Иначе говоря, из знаков исключаются пирсовские индексальные и иконические знаки в той мере, в какой под первыми имеются в виду пропущенные через сознание наблюдателя собственные связи и изобразительные подобия вещей и событий.

Корень проблемы и источник заблуждений того направления семиотики, о котором идет речь, и в том, что понимается под знаком, и в том, как понимается соотношение знака и значения. Ошибочно считать, что значение обязательно предполагает знак, его выражающий, что всякая значимая ситуация знакова. Нет знака без значения, но обратное неверно: вполне возможны незначимые значимые ситуации, т.е. ситуации, где есть значение, но нет выражающего его знака. Общность корня в этих словах в русском не должно вводить в заблуждение. В других языках дело может обстоять иначе. У значения гораздо более широкий объем, чем у знака.

Само значение – явление духовного плана, это информационная зависимость концептов двух вещей в сознании. Значение возникает всякий раз, когда одно информирует о другом и настраивает сознание на это второе как информационно важное. Значение существует в концептуальных связях определенного вида. Концепты как дискретные содержательные сущности сознания объединены концептуальными связями.

Эти связи – тройка рода: импликационные, сравнительно-классификационные и семиотические (знаковые). Первые являются мыслительным аналогом реальных связей сущностей объективного мира. В конечном счете это отражение связей между вещами, событиями, между частью и целым, между вещью и признаками. Один концепт предполагает, вызывает мысль о другом, одно понятие имплицитно другое в силу зависимости, взаимодействия, связи отражаемых ими сущностей. Наиболее явным примером импликационных связей является отражение в сознании причинно-следственных связей, но сюда же относятся связи пространственные, временные, холо-партитивные и иные, т.е. всякого рода линейные связки, соположенности, совместности, сопряженности.

Импликация может быть отражением самых разнообразных случаев совместной встречаемости сущностей: одновременных и разновременных, статических и динамических, взаимонаправленных и однонаправленных и т.д. Здесь надо отметить важный момент: связи отражаемых сущностей могут быть однонаправленными и взаимными, но концептуальные связи всегда взаимны, обратимы. К примеру, не только мысль о причине предполагает мысль о следствии, но и наоборот.

Понятию импликации здесь придается смысл более широкий, чем в логике. Импликация – один из двух, наряду с сравнением-классификацией, способов организации сознания, формирования концептуальных структур. Это один из двух типов мыслительных операций реального мышления, ментальный аналог линейных связей в структуре мира. Логическая импликация – конструкт реальных мыслительных операций импликационного типа с тем ограничением, что учитывает вектор онтологических зависимостей.

Достаточно включить информационную настройку сознания, и импликационные связи порождают феномен значения. Один концепт актуализирует другой, информационно важный, и этот второй оказывается значением первого. В языке это

сигнализируется специальной связкой значения "значить": *он устал*, значит, "быстро уснул"; *он быстро уснул*, значит, "устал"; *следы шин* означает, что прошла машина; *красный закат* означает ветреную погоду и т.д. Во всех подобных случаях ситуация значима, но не знакова: ни усталость, ни сон, ни следы шин, ни красный закат не интенциональны в функции оповещения. За ними нет ни коммуникативного намерения, ни отправителя. Наблюдатель не принимает их за знаки, не следует этого делать и семиотику.

Другой важный тип концептуальных связей, структурирующих сознание – связи сравнительно-классификационные. Они являются мыслительным аналогом распределения признаков в сущностях мира. Иначе говоря, объективной основой сравнения – классификации являются общности – различия сущностей отражаемого сознанием мира по обнаруживаемым ими признакам. Общие признаки могут лежать в области интенсionalов сравниваемых понятий, т.е. относятся к числу классообразующих, тогда концепты выстраиваются по родо-видовой вертикали (классификационная или гипер-гипонимическая иерархия понятий) или же выстраиваются на одном уровне обобщения как виды одного рода (эквонимическая связь понятий). Но сравнение может пойти по линии побочных признаков, по крайней мере для одного из сравниваемых по содержанию понятий, и тогда мы имеем дело с сравнением в узком смысле слова (сравнением-симиляцией, уподоблением), т.е. таким, которое служит основой метафор.

Для нас, однако, существенно то, что концептуальные связи сравнительно-классификационного типа, основанные на общности признаков, не порождают значения. И это понятно, т.к. в этом случае связь между двумя сущностями устанавливается в сознании и отражает не какую-то реальную связь сущностей, не их зависимости и взаимодействия, а только общность присущих им признаков или уровни обобщения признаков. Красный закат похож, но не означает пожар, в то время как красное зарево не столько похоже на пожар, сколько означает его в силу того, что второму свойственно первое. И если вид красного заката наведет на мысль о пожаре или зарево напомнит закат, а закат – зарево, то ни в одном из этих случаев первое не может быть названо значением второго, и соответственно нельзя соединить их связкой значения "значит".

Что же касается семиотических (знаковых) концептуальных связей, связей между двумя сторонами знака – означающим и означаемым, то они для того и устанавливаются, чтобы нести значения, и в этом их отличие от импликационных концептуальных связей. Означающее и означаемое не связаны отношением импликации. Если оно где-то и отмечается, оно лишь подобно. При знаковой связи, как и при импликационной, концепты объединены значимым отношением и той же связкой значения "значит". Первый из них актуализирует второй и настраивает сознание на этот второй как информационно важный: второй является значением первого. Отличие же состоит в том, что для знака "значить" есть его функция, назначение, чего не скажешь об импликационных связях: событие что-то значит не потому, что за ним закреплено значение, а потому, что наблюдатель знает импликации из него, и они заслуживают его внимания. Волнение на море и плакат "купаться запрещено" имеют для наблюдателя сходное значение, но в первом случае оно – импликационный результат знания мира, а во втором – семиотический результат знания языка. Представление о том, что дует сильный ветер можно получить, увидев, как за окном несутся облака, или услышав слова: "дует сильный ветер". В первом случае ситуация незнакова, но значима, и значение – результат импликации: несутся облака, значит, дует сильный ветер. Во втором случае ситуация и значима, и знакова, и значение есть принадлежность знака, его вторая сторона: "дует сильный ветер" означает, что дует сильный ветер.

Таким образом, по характеру связи двух концептов, концепта актуализирующего и концепта актуализируемого, значение распадается на два вида – импликационное (незнаковое) и семиотическое (знаковое, конвенциональное, кодифицированное).

Применительно к интересующей нас теме важно то обстоятельство, что сами задействованные знаки несут значение обоих видов – собственно знаковое (семиотическое) и импликационное. То, что они несут первое, само собой понятно: для того и существует знак. Но нетрудно увидеть в актуализированном (употребленном) знаке наличие значения второго вида – импликационного. Поскольку его базой, источником (импликатором) в этом случае служит не просто событие, но событие-знак, то эту разновидность значений-импликаций следует назвать по их источнику семиоимпликационным.

В самом деле, знаковый акт всеми своими компонентами, на всех уровнях своей структуры, сам по себе и во взаимодействии со средой своего осуществления служит источником внезнаковых импликаций, т.е. воспринимается не только как знак с его знаковым значением, но анализируется во всей полноте его сторон как целостное явление и тем самым из него извлекается масса разнообразной информации. Эта информация в чем-то дополняет собственно знаковое значение высказываний и текстов, в чем-то осложняет его, а в чем-то противоречит ему, вступает с ним в конфликт и корректирует его. В конечном счете получатель извлекает некий суммарный итог взаимодействия кодифицированного семиотического и некодифицированного семиоимпликационного значения знаковых актов. Первое извлекается из знания языка, второе из знания мира, людей, знаковой деятельности, из знания того, как используется язык, и это различие существенно, несмотря на то, что никакой жесткой границы между знанием языка и знанием мира нет – прежде всего в силу вероятностной природы самих кодифицированных значений [Никитин 1988].

Не только компоненты формы знаковых выражений, но и само кодифицированное семиотическое значение, взаимодействуя с обстоятельствами его реализации, попадают в фокус внимания и служат источником множества импликаций, наращивая суммарное значение знакового акта семиоимпликационными приращениями в силу того, что всякое знаковое событие анализируется не только как событие в знаковой деятельности, но и шире – как событие в мире.

За примерами ходить недалеко, в особенности теперь с утверждением прагматики, определяемой как исследование того, как люди используют язык (ср. такие ее понятия, как "косвенные речевые акты" и "импликатуры речевого общения"). Тембр голоса, его высота, чистота и модуляции, признаки эмоциональной вовлеченности и прочие фонологически нерелевантные особенности фонации, выбор языковых средств разных уровней и их комбинаторика, мера их уместности и нормативности, их взаимодействие с обстоятельствами коммуникации и сопровождающими их мимикой, жестикulyацией и телодвижениями, лежащими за рамками кодификации – все это и множество другого служат источниками намеренных и произвольных импликаций из знаков словесных и иных. Особенность импликаций в том и состоит, что они не кодифицированы. Они представляют собой выводное знание, вероятностные заключения из конкретных ситуаций употребления знаков. Они опираются в конечном счете на весь человеческий опыт, на сложные структуры вероятностного знания, на разветвленные цепи причин и следствий, совмещенностей и соположенностей. Они предполагают знание множества предметных областей с их связями и зависимостями, в которых их выводит импликационный анализ использования языка. Здесь каждый "знак" имеет значение в зависимости от обстоятельств употребления и поэтому знаком не является. Здесь нет словаря и грамматики в собственном смысле, а есть вероятностные связи и зависимости сущностей и явлений (событий) в отражаемом сознанием и творимом им действительном и мнимом мирах. Даже при жесткой (однозначной) и сильновероятностной зависимости одного события от другого первое не может считаться знаком второго, если за ним не стоит отправитель с интенцией на коммуникацию значения.

Обручальное кольцо – знак с кодифицированным актуальным значением (но на пальце, а не в витрине, где у него значение потенциальное, виртуальное,

"словарное"). Если вы увидели кольцо на руке у вашего знакомого, который обещал не жениться, это значит для вас, что он вероятно, все же женился (кодифицированное значение) и, следовательно, нарушил обещание (импликационное значение). Если, однако, вам доподлинно известно, что он, хотя и надел кольцо, остается холостяком, это значит для вас, что вас приглашают перейти из действительного мира, непреложного мира реальностей в мир игровой или обманный (вероятностная импликация). При этом значения надетого кольца остаются за знаком (обручение плюс нарушение обета), но уже не как истинностные, а как мнимые, не как факты истинностного мира, а как факт игры или обмана. Первична, конечно, презумпция истинностного употребления знаков, когда говорящий представляет свои суждения как относящиеся к положению дел в реальном непреложном мире, даже если это почему-либо не так: истинностное утверждение еще не истинное и его еще надо проверить на истину. Игровое общение в этом смысле вторично, и должны быть указания на то, что происходит вступление в игру.

Для наших целей, однако, существенно то, что импликационное значение события свободно движется в поле его линейных связей с другими событиями и каждый раз его содержание определяется обстоятельствами осуществления события, а не той достаточно жесткой условной привязкой одного к другому, которая существует между означаемым и означающим знака. Привязка означаемого к означающему потому и должна быть жесткой, что она в принципе произвольна и условна.

Семиотическая интерпретация вещей и событий как означающих бессодержательна и избыточна потому, что приравнивает язык к миру, знание языка к знанию мира. Тогда окажется, что языков столько, сколько разных обстоятельств употребления знака. В рамках принятой знаковой системы знак должен держаться определенного значения, варьируя его согласно правил семантической деривации. Знак не может радикально менять свое содержание сообразно обстоятельствам своего употребления. Насколько может он противостоят им, а уступая их диктату, он теряет качество знака, и тогда незачем, избыточно, непродуктивно анализировать его в терминах знака. От знака остается только основа для импликаций, он теряет свою знаковую сущность и становится просто событием, умножая их ряд и включаясь в структуру их связей. В этой структуре он значим, но уже не знаков. Он выходит за пределы языка, где его значение было кодифицировано, и теперь, чтобы установить его значение, надо знать не словарь и грамматику языка, ставшего в параллель миру, а "словарь и грамматику" мира, включившего в себя знаковые события как часть и продолжение структуры своих связей.

Суть проблемы состоит в том, что не события надо сводить к знакам, а напротив, знаки расширять до событий. События могут приобретать знаковый характер (семиотизироваться), но лишь, как увидим далее, в специальных условиях: в знаках же, помимо их специфически знаковой сущности, постоянно присутствует родовой событийный (вещной) компонент. По этой причине импликационные значения знаков (семиоимпликационные значения) не могут быть заданы словарно ни жестким перечнем, ни указанием моделей варьирования. Они переменны настолько, насколько многообразны связи и зависимости сущностей и событий в мире. Семиотика бессильна сказать о них что-либо содержательное, кроме того, что это импликации от знаков как событий. Здесь она должна уступить место тем областям знания, обыденного или академического (научного), к ведению которых относятся те или иные конкретные связи.

В других обстоятельствах цветная картинка на обложке журнала, которую анализирует Барт, могла означать, что журнал освоил цветную полиграфию. Кольцо на руке разведенного может означать, что ему дорога память бывшего союза или что он располнел настолько, что не может снять кольцо и т.д.

Иное дело возможная семиотизация вещей и событий. Вещь, субстанция или событие семиотизируется, если они специально создаются, чтобы служить знаком (например, разные указатели, сигналы, вроде семафоров и т.п.) или же, имея и другие

функции, приспособляются и используются в знаковой функции. При этом часто обходятся изображением соответствующей вещи (ср., например, рисованные вывески на лавках, мастерских и т.п.). Семиотизация вещи, для которой знаковая функция дополнительна, побочна к ее основному, прямому назначению, превращает ее в символ. Символ семантизируется, т.е. приобретает значение, на основе линейных и уподобительных связей вещи, а именно, на основе импликационных и симилятивных связей концепта вещи, т.к. первые отражаются в сознании в виде вторых.

Сапог или его изображение над входом в сапожную мастерскую служат простейшим символом-знаком этой мастерской, который семантизируется на импликационной основе как метоним целого по части. Его дело — необычным для него положением направить ассоциации в нужном направлении. Поскольку вещь может вызвать множество ассоциаций линейного порядка, семантика метонима нуждается в уточнении, что и делается здесь за счет того, что символ не одинок: он стоит в ряду общей модели обозначения мастерских, лавок и т.п. по тем предметам, которыми они оперируют. Значением символа могут быть, понятно, не только импликации целого, но и напротив — части от целого, а также импликации от вещи к другой вещи, от вещи к признаку и т.п.

При семиотизации вещь изымается из первичных связей, выходит из обычного оборота, меняет "фрейм существования" (отсюда и необычное положение сапога). Вещь противопоставляется миру вещей и переходит в параллельный мир обозначений. При этом она обозначает нечто большее, чем самое себя: она обозначает не вещь, а класс вещей и не тот класс, к которому она принадлежит, а тот, который с ней линейно связан — класс сложных целых состояний, ситуаций, элементом которых она является. Сложное, абстрактное, ненаглядное обозначается через простое, конкретное, наглядное.

Что отличает импликационный символ (символ-метоним) как знак от просто значимой импликационной связки? Во-первых, как видим, наличествует отправитель и коммуникативное назначение. Во-вторых, становясь символом, вещь не только наделяется информационно коммуникативной функцией, но в этой функции изымается из своих предметных связей. Для сознания ее предметная сущность как бы нейтрализуется, она существует в абстракции от самой вещи. Поэтому вещь как символ может быть заменена изображением. Вещь-символ уже не участвует в своих предметных связях, а только автономно указывает на себя и свои предметные связи. Символ автономен, но его автономность отлична от автономности типичных знаково-несимволов. Символ отсылает к себе как вещи и через себя к своим связям. Знак-несимвол в автономном употреблении отсылает к себе как знаку и через себя к контекстам своего употребления.

Выше был упомянут известный факт возможной иконичности символа — подобия между символом и его денотатом (ср. колесо Фортуны как символ превратности судьбы, весы в руках Фемиды как символ взвешенной оценки вины, царственный образ орла и его верховенство — в прямом и переносном смысле — как символ державной власти). Символ всегда мотивирован хотя бы в исходе (со временем мотивировка может затемниться и утратиться), и мотивирован он прежде всего импликационными зависимостями семиотизируемой вещи. Однако ничто не мешает ему в дополнение к этому быть иконичным, если требуемый смысл позволяет совместить импликацию с подобием. Важно то, что импликация от вещи (события) к ее признакам и связям обязательна для семантизации любого символа, в том числе и иконического. В самом деле, колесо вращается, и это означает смену положения (импликация), этим оно подобно судьбе (симиляция). Орел имеет царственный вид и обитает в самых горных сферах (импликация), и этим он подобен верховному властителю (симиляция). Весы колеблются под грузом и показывают его точный вес (импликация), так и суд должен взвесить все обстоятельства дела и справедливо решить его.

Поэтому в основе семантизации иконических символов лежат ассоциации того же импликационного типа, а подобие дополнительно, методом моделирования ориентирует процесс поиска смысла: вещь (событие) не только передает свои признаки и связи денотату символа, но и служит его моделью. Тем самым сказанное об импликационных символах справедливо и относительно симулятивных (иконических) символов, когда вещь (событие) или ее изображение означает нечто подобное себе, но, как правило, более сложной и менее наглядной отвлеченной природы.

Речевая (а шире — знаковая) деятельность и ее произведения, с одной стороны, противопоставлены и параллельны миру и деятельности человека как их знаковые аналоги. Но, с другой стороны, первое включено во второе и дополняет его как часть, так что знаки и знаковая деятельность продолжают и расширяют мир вещей, событий, человеческой деятельности. Только в первом своем аспекте знаковые продукты имеют специфический, семиотический характер и должны изучаться прежде всего специфическими средствами семиотики. Напротив, во втором аспекте к ним добавляется многое, что не специфично для знаков, и знаки подключаются к миру как род вещей, действий, событий, поступков. Анализ их значения в этом случае, как мы видим, выходит из компетенции семиотики и требует большего, чем значение языка, кода, знаков. Он требует знания мира на самых различных его участках. Эта часть информации, извлекаемая из знаков, — их семиоимпликационное значение — не ограничивается даже такой достаточно широкой сферой, как знание того, как люди используют язык. В конечном счете здесь приходится иметь дело с совокупным человеческим знанием.

В отвлечении от знаковой специфики знак становится вещью и может быть заново семиотизирован как символ посредством того же механизма символизации вещей — за счет импликации ее признаков и связей. При этом знак изымается из той знаковой системы, которая порождает его и в рамках которой ему положено функционировать. Тем самым он теряет то значение, которое ему положено иметь как продукту этой знаковой системы. Взамен он приобретает способность обобщенно, на уровне класса обозначать на импликационной основе некоторую совокупность обстоятельств, связанных с каким-то конкретным, но примечательным контекстом употребления знака. Так появляется особый смысл у выражений-символов вроде "процесс пошел", "ino pasaṛān!" и т.п.

Таким образом, для того, чтобы импликационная зависимость вещей и событий из просто значимой для наблюдателя ситуации превратилась в ситуацию знаково-значимую, надо, чтобы она "попала в руки" отправителю информации, чтобы она управлялась, вызывалась и создавалась им как намеренное информационно-коммуникативное действие. Отправитель должен владеть ею, а для этого ему надо изъять вещь-импликатор из его природной среды, противопоставить и поставить ее в параллель среде как ее информационно-коммуникативное отображение и выражение. Показателем изъятия служит возможность заменить вещь-импликатор изобразительным или иным условным, экономически и коммуникативно более удобным субститутотом. Субституция возможна, поскольку вещь-символ интересна нам не в природном, а в информационном качестве, как источник необходимых ассоциаций, стимулятор и актуализатор значений, и мы можем управлять ею в этом качестве.

Символы возникают в тех пределах, в которых человек может управлять порождением вещей и событий в качестве импликаторов значений. Но символ — знак, и как знак он требует изъятия импликатора из своей природной среды, из "фреймов" вещного мира, перехода в параллельный мир обозначений этого мира. Однако у отправителя есть другая возможность актуализировать значения в голове наблюдателя посредством импликаций, не прибегая к знакам. Можно сыграть, создать желаемую импликационную ситуацию, порождая видимость, что она возникает сама по себе, независим от воли отправителя. Среагировав на нее, наблюдатель извлечет из нее нужное отправителю значение. Попросту говоря, у него возникает требуемая мысль, нужное представление.

Примеров подобного рода очень много. Сюда относятся и действия, вызывающие значения посредством хитрости, притворства и обмана, и вполне благовидные приемы намеренно организованной импликации значений. Притворный храп должен создать представление о спящем человеке. Непритворный храп вряд ли кто назовет знаком сна (признак сна не есть знак сна), но и притворный храп не дотягивает до знака: хотя отправитель и вкладывает в него информационно-коммуникативное намерение, но для наблюдателя этот знак не изъят из своих природных связей и намеренным действием не является. Храп станет знаком, когда и отправитель, и получатель договорятся о том, что храп будет свидетельствовать, например, о бодрствовании. Но тогда он действительно изымается из своих естественных связей, ему условно приписывается даже нечто противное этим связям, с ним отправитель и получатель связывают некоторое — согласно условию — информационно-коммуникативное намерение отправителя. И этому должна предшествовать договоренность.

Допустим теперь, что конвенции нет, но наблюдатель разгадал маневр отправителя. Достаточно ли этого, чтобы уловка превратилась в знак того значения, которое замыслил отправитель? Нет, недостаточно и вот почему. Оказывается, — и здесь это ясно обнаруживается — что знак произведен, вторичен по отношению к языку, коду, коммуникативной конвенции, как бы они сознательно или спонтанно — ни сложились. Сначала знаковая конвенция, общая для отправителя и получателя, потом знак в рамках и в реализацию этой конвенции. Очевидно, что нельзя зависимости мира объявлять знаком, а весь мир текстом, так как язык не оставил бы места для мира. Этой метафоре часто навязывают прямой смысл, но тогда она изначально подрывает себя, так как снимает проблему: сводя мир к языку (тексту), сводя на нет вопрос об их различии, а дело ведь именно в этом. Понятие знака теряет смысл, если в нем не остается ничего специфически знакового.

Семиотическое, кодифицированное значение знака не может радикально меняться при обозначении и описании разных ситуаций, оно лишь варьирует в определенных пределах и по определенным моделям. Описывая мир, язык следует за сменой ситуаций, меняя знаки, но не значения знаков (это возможно только в определенных пределах и по определенным моделям семантической деривации). Знак ценен стабильностью значения. Напротив, импликационные значения, в том числе и семиоимпликационные не стабильны, зависят от ситуации и выводятся из обстоятельств осуществления события или употребления знака.

Сказанное очерчивает предел знака и семиотики как науки о знаках. Знаку предшествует конвенция о значении, спонтанно возникшая в случае генезиса естественного языка и сознательно устанавливаемая посредством естественного языка в случае вторичных знаков—кодов. Поэтому знак требует значения языка. Значение шире знака: нет знака без значения, но обратное неверно. Значения извлекаются не только из знаков благодаря знанию языка, но и из событий благодаря знанию мира [Никитин 1988; 1995].

Подлинный полный знак предполагает не только получателя (моррисовского интерпретатора), но еще в большей степени отправителя при том, что оба располагают общим языком или кодом. Знак интенционален, т.е. реализует информационно-коммуникативное намерение исполняющего его отправителя. Одного интерпретатора (наблюдателя) еще недостаточно, чтобы значимое для него событие считать знаком. Вещи и события продвигаются в сторону знака, когда за ними стоит намеренное их исполнение с целью актуализировать в сознании наблюдателя связанные с ними импликации. На этом пути, безусловно, есть промежуточные градации усиления знаковости.

В целом эта шкала открывается цепочкой двух зависимых событий, где нет ни исполнителя их, ни интерпретатора. Здесь нет ни знаков, ни значений. Далее появляется интерпретатор, а с ним и значение: первое событие информирует его о втором, причем в иных случаях ему необязательно наблюдать наступление значимого события, достаточно наблюдать значащее событие и знать о связи двух событий. Это

дознаковый уровень получения значений. Далее на сцене появляется исполнитель, организатор значащего события, нацеленный на порождение значимых ситуаций. На этом уровне у него есть информационно-коммуникативное намерение, цель сообщить значение, но нет специального инструмента, языка для передачи значений и он пользуется "языком мира", создавая, разыгрывая, наталкивая на значимые ситуации за счет знания импликационных зависимостей вещей и событий. Это предзнаковый уровень передачи значений.

Далее для передачи значений человек идет более экономным и продуктивным путем, чем реконструкция, дублирование, проигрывание мира на каких-то участках его связей. Он прибегает к знакам. Вместо "языка мира", распоряжаться которым в целях коммуникации человек может только в ограниченных пределах, он получает в полное свое распоряжение язык знаков. Теперь ментальные миры, которые человек разыгрывает в своем сознании и воображении, отражая и замышляя действительный мир, получают параллельное отображение и выражение в знаках. Чтобы передать значение, достаточно произнести слово. Для того, чтобы осведомить кого-либо о дожде, не надо подводить его к окну, достаточно сообщить: *идет дождь*. Чтобы дать знать о ветре, что предпочтительнее: незаметно раскачивать деревья или положившись на доверие к себе, сказать: *дует ветер*?

Однако на первом этапе, уже став знаком, а именно знаком-символом, вещь формируя свое значение, продолжает опираться на свои импликационные связи. Эти связи мотивируют семантику символа, и предстоит сделать еще один шаг к принципиальной условности типичного знака. Пока же на уровне символа вещь, хотя и не обязана сохранять себя во всей полноте своих качеств, должна сохранить свой образ: ей необходима узнаваемость как вещи. Она информирует (несет значение), но не о своем бытии, а о бытии того, что с ней импликационно связано (для чего ей собственно и необходимо сохранить узнаваемость). В силу того, что она означает свой имплицит, она имеет значение. В силу того, что ее вещное качество для нее уже не существенно, ее может заменить любое узнаваемое изображение. Такое изображение больше, чем картина, потому что оно значимо, т.е. импликационно вызывает мысль о чем-то отличном от того, что на ней изображено. (Картина сама по себе не означает изображенную на ней вещь, а является ее транспонированным образом.)

В силу того, что вещь-символ имеет значение, а собственное ее качество уже не существенно, она становится знаком. Поскольку символ черпает свое значение за счет импликаций из "фрейма" бытования вещи, за ним не стоит целостный язык с его словарем, распределяющим идеи в системе номинации. Символ еще пользуется "языком мира". Однако уже не возможен без конвенции, как бы она ни сложилась, — концепции об интенциональной информативности вещи-символа, что собственно и делает ее знаком. Вещь-символ по условию наделяется внеприродной информационной функцией.

Наконец, делается последний шаг: за вещь-знаком закрепляется кодифицированное значение, в принципе независимое от ее природных связей, — по условию из языка или кода, а не по природе, не из мира.

Однако, как мы видели, даже став знаком, приобретая вторую функциональную природу, став в параллель миру, знак не может отделаться от изначальной своей вещной природы, которая служит субстанциональной основой знаковой функции вещи и, как всякая вещь (событие), знак служит источником импликационных (семии-мпликационных) значений. Беда с этими значениями состоит в том, что, хотя их субстанциональной базой служит знак, они не кодифицированы, содержательно зависят, как можно было видеть, от массы самых разнообразных факторов конкретного употребления знака. Поэтому устанавливая их содержание, получатель выходит далеко за пределы языка и опирается на совокупное значение мира, в котором знание знаковой деятельности составляет только малую часть, а знание языка (или кода) как системы, породившей знаковые структуры, вообще отодвинуто на задний план.

Для анализа этих значений семиотика со своим аппаратом не может предложить ничего, кроме семиотического маскарада, — насильственного и неоправданного навязывания своей терминологии. Ее компетенция ограничена тремя областями. Во-первых, готовыми знаками и знаковыми системами с их кодифицированными значениями. Во-вторых, первичной семиотизацией вещей и событий, когда какое-то незнаковое событие, семиотизируясь, становится в каком-то своем импликационном значении если не немотивированным знаком, то по меньшей мере мотивированным знаком-символом. В-третьих, вторичной семиотизацией, когда какие-то знаковые события, повторно семиотизируясь, становятся в каком-то своем некодифицированном импликационном значении вторичным знаком-символом.

Для ясности приведем дополнительные примеры на два последних случая. Наклонение головы может иметь разные значения: что-то рассматривают внизу, уклоняются от ветки, избегают прямо смотреть в глаза и т.д. Семиотизируясь, это движение становится символом-знаком покорности, уважения памяти, признания авторитета, приветствием. Семиотизация отсекает множество возможных импликаций и закрепила за поклоном одно значение. Чтобы знать, что значит поклон, надо знать закрепленное за ним значение. В этом смысле знак значит напрямую: мысли не нужно, чтобы опираясь на знание связей мира, пробегать возможные цепочки импликаций и выбирать из них одну (голову склоняют, чтобы не смотреть в глаза, потому что это означало бы непризнание превосходства). Знак сокращает этот процесс до усилия памяти. Восклицание-вопрос *И ты, Брут?!* символизирует ситуацию изумленного негодования на неожиданную измену. Символ обобщен до класса таких ситуаций, и значение восходит к обстоятельствам, в которых он впервые был произнесен.

За пределами указанных областей, с учетом, конечно, размытости их границ на периферии, семиотика безусловно не скажет ничего нового о возникновении, природе, содержании, восприятии, понимании, структуре и систематизации значений, т.к. здесь уже достаточно широкой сферы знаков, и мы вступаем в безбрежный мир знания мира в его связях, зависимостях, сопряженностях и обусловленностях, где есть дело для множества самых различных специалистов, а в конечном счете для всех з н а ю щ и х л ю д е й. В этом безбрежном незнаковом мире характер связи между событием (вещью) и значением продуктивно описывается не в терминах и понятиях семиотики, а с позиций общей теории значения и разных ее предметных областей, средствами и методами когнитологии, гносеологии и логики и в еще большей степени психологии — психологии восприятия, понимания и т.д.

Семиотика должна умерить свои аппетиты и отказаться от набегов на неподвластные ей территории. Эти вторжения не идут на пользу ни территориям, ни ей самой. Экспансионизм только дискредитирует семиотику как науку. Ей следует сосредоточиться на собственном предмете. Он достаточно широк, и, увы, находится в пренебрежении. Предстоит выполнить громадный объем работы по описанию и систематизации знаков и знаковых систем разного рода, их взаимодействия в панзнаковой базе человеческого сознания, соотношению вторичных знаков с первичными знаковыми системами — естественными языками, по изучению процессов семиотизации генезиса и функционирования знаков и знаковых систем разного рода, особенностей их материального субстрата, его структуризации в знаковой функции, коммуникативному потенциалу, по исследованию и описанию словаря и грамматики, процессов семантизации, понимания и варьирования значений, особенностей семантики и синтаксиса кодовых систем, возможностей и правил их транспонирования и многому другому, не говоря уже об участии семиотики в решении множества прикладных задач знаковой деятельности человека.

Для этого семиотике (семиологии) следует вернуться к своим основаниям — теории знака и к тем представлениям о своем предмете, которые были намечены Ф. де Соссюром. Для этого семиотике следует признать непродуктивной заманчиво широкую универсалистскую концепцию знака, которую предложил Ч. Пирс и которой она последовала. Самому Пирсу универсализм знака потребовался не ради него

самого, а для того, чтобы под его флагом заложить дедуктивные основания универсальной формальной логики как "науки об общих обязательных законах знаковости" ("the science of the general necessary laws of signs). Поддавшись соблазну универсализма, семиотика шагнула далеко за пределы своего предмета и неизбежно стала утрачивать качества объективного доказательного научного знания. Культивируя в себе порок спекулятивности, она естественно переместилась в те области знания, где это легче сделать, — в литературоведение (literary criticism) и теорию искусства.

В основе нынешних заблуждений семиотики, как мы видели, лежат, во-первых, расширительное понимание знака (включение, вслед за Пирсом, всякой индексальности и секоничности в область знака), во-вторых, неадекватная теория значения и связанное с этим отождествление знака и значения по объему. Первое ведет к включению (ошибочному) всяких импликационных значений в предмет семиотики и бессодержательному распространению на них семиотической терминологии. Второе — к неразличению импликационного и знакового видов значения, неразличению собственно знаковой (функциональной) и вещной (субстанциональной) сторон знака и как следствие к смешению двух принципиально отличных видов значения знаков — конвенционального и (семио)импликационного.

Отсечение этих заблуждений и корректировка исходных понятий знака очерчивают предел и подлинную компетенцию семиотики как науки о знаках и знаковых системах, их функционировании и взаимодействии, о семиотизации вещей и событий, о конвенционализации и кодификации их значений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт Р 1989 — Избранные работы семиотика поэта М 1989
 Иванов В В 1976 — Очерки по истории семиотики в СССР М 1976
 Никитин М В 1988 — Основы лингвистической теории значения М 1988
 Никитин М В 1995 — Курс лингвистической семантики СПб 1995
 Степанов Ю С ред 1983 — Семиотика М 1983
 Труды 1964—1987 — Труды по знаковым системам Вып 1—20 Тарту 1964—1987
 Barthes R 1964 — Elements de semiologie Paris 1964
 Barthes R 1957 — Mythologies Paris 1957
 Coquet J C 1973 — Semiotique litteraire Paris 1973
 Derrida J 1967 — De la grammatologie Paris 1967
 Eco U 1980 — A theory of semiotics Indiana University Press 1976
 Elam K 1980 — The semiotics of theatre and drama London 1980
 Greimas A J (Ed) 1970 — Sign language and culture The Hague 1970
 Greimas A J (Ed) 1971 — Essais de semiotique poetique Paris 1971
 Guiraud P 1971 — La semiologie Paris 1971
 Hawkes T 1977 — Structuralism and semiotics London 1977
 Heath S et al (Ed) 1971 — Signs of the times Cambridge 1971
 Hevey S 1982 — Semiotic perspectives London 1982
 Jakobson R 1971 — Selected writings V 2 The Hague 1971
 Metz Ch 1974 — Film language a semiotics of the cinema Indiana University Press 1974
 Morris Ch 1971 — Writings on the general theory of signs The Hague 1971
 Pierce Ch 1931—1958 — Collected papers (in 8 vols) V 2 Harvard University Press 1931—1958
 Riffaterre M 1978 — Semiotics of poetry Indiana University Press 1978
 Saussure F de 1915 — Cours de linguistique general Paris 1915
 Scholes R 1982 — Semiotics and Interpretation Yale University Press 1982
 Sebeok Th (Ed) 1969 — Approaches to semiotics The Hague 1969 (серия сборников издается с 1969 г)
 Serge C 1973 — Semiotics and literary criticism The Hague, 1973
 Silverman K 1983 — The subject of semiotics Oxford University Press 1983
 Wollen P 1972 — Signs and meaning in the cinema Indiana University Press 1972